

Анна, Лара и «Катюша»

300-ЛЕТИЕ ДОМА РОМАНОВЫХ И «РУССКИЙ СТИЛЬ»

Линор Горалик

Императрица Александра Федоровна, 1913 год

БЫТЬ МОЖЕТ, КТО-НИБУДЬ МЕНЯ СПРОСИТ, ДЛЯ ЧЕГО НУЖНЫ БЫЛИ ЭТО ИЗОБИЛИЕ ЗОЛОТА, РАЗНООБРАЗИЕ КРАСОК, ЭТА ПОДЧЕРКНУТАЯ РОСКОШЬ? КАК УЧАСТНИК ЭТОЙ НЕПЕРЕДАВАЕМОЙ КРАСОТЫ, Я ОТВЕЧУ: ПО МОЕМУ ГЛУБОКОМУ УБЕЖДЕНИЮ, ВСЕ ЭТО БЫЛО НУЖНО. Я ВСЕГДА ВОСПРИНИМАЛ РУССКУЮ МОНАРХИЮ КАК КАКОЕ-ТО ЗЕМНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ДУХОВНОЙ, ПОЧТИ ЧТО БОЖЕСТВЕННОЙ КРАСОТЫ. ВСЕ ЭТОТ БЛЕСК МНЕ ПРЕДСТАВЛЯЛСЯ ЛИШЬ ВНЕШНИМ ПРОЯВЛЕНИЕМ ЭТОЙ ЕДИНСТВЕННОЙ В СВОЕМ РОДЕ, ЕДИНСТВЕННОЙ В МИРЕ, НЕПОВТОРИМОЙ В СВОЕЙ ВНУТРЕННЕЙ КРАСОТЕ ИДЕИ РУССКОЙ МОНАРХИИ.¹
 АЛЕКСАНДР ГЕРШЕЛЬМАН, КАМЕР-ПАЖ, ВЫПУСКНИК ПАЖЕСКОГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КОРПУСА (ВЫПУСК 1913 ГОДА) — О ТОРЖЕСТВАХ В ЧЕСТЬ ПРАЗДНОВАНИЯ 300-ЛЕТИЯ ДОМА РОМАНОВЫХ

В ПРЕДДВЕРИИ масштабных, почти бесконечных празднований 300-летия дома Романовых, начавшихся в феврале 1913 года и затянувшихся до самой осени, вся Россия была украшена, обклеена и запечатана парадными портретами царской семьи. Одним из самых популярных изображений стал фотопортрет императрицы Александры Федоровны в придворном платье. Платье это полностью соответствовало указу Николая I от 1834 года: «...Всем вообще Дамам, как Придворным, так и приезжающим ко Двору, иметь повойник или кокошник произвольного цвета, с белым вуалем, а Девицам повязку, равным образом произвольного цвета и также с вуалем»². Тем же указом регламентировался крой и цвет придворного дамского платья — с разрезными боярскими рукавами и золотым или серебряным шитьем, своим для каждого дамского чина: для наставниц великих княжон, фрейлин ее величества, фрейлин великой княгини, фрейлин великих княжон, гофмейстрин при фрейлинах — и так далее. Указ этот исполнялся неукоснительно вплоть до 1917 года: менялись ткани, высота и размер кокошника, длина подола — но основная идея оставалась неизменной. Платья эти — тяжелые, слепящие, невыносимо избыточные — вызывали у наблюдателей смесь восхищения и ужаса. Если в 1833 году Пушкин писал: «Осуждают очень дамские мундиры — бархатные, шитые золотом, — особенно в наше время, бедное и бедственное»³, то в 1913 году, восьмьюдесятью годами позже, на фоне стремительного упрощения женского костюма (не говоря уже о смене идеологиче-

ского фона) эти платья, особенно при массовых придворных собраниях, создавали еще более неоднозначное впечатление сочетанием демонстративной роскоши, архаики и псевдонародного колорита. Недаром молодой Гершельман, во время торжеств исполнявший обязанности камер-пажа то при одной, то при другой представительнице императорской семьи, в своем вполне чинном повествовании внезапно употребляет слово «оторопел», когда описывает заполненный придворными зал Мариинского театра перед началом «Жизни за царя»: «Это было одно из красивейших виденных мною за мою жизнь зрелищ. <...> Партер был занят Сенатом, Государственным Советом, придворными чинами и чинами первых классов. Первые ряды красных сенатских мундиров сменялись зелеными мундирами Совета, после которых блистало золото придворных чинов. <...> В ложах же были размещены статс-дамы и фрейлины в своих украшенных золотом платьях, с кокошниками на головах. <...> Войдя в ложу за Великой княгиней Марией Александровной, я оторопел от красоты представшей передо мной картины, от этой игры красок, роскоши мундиров, изобилия золота, разнообразия уборов». Сразу после этого Гершельман, писавший свои мемуары в 1956 году в Буэнос-Айресе, переходит к вынесенным в эпиграф пояснениям и оправданиям. До гибели царской семьи оставалось четыре года с небольшим. Почти через сто лет после описываемых Гершельманом последних «великих торжеств» империи, осенью 2009 года, Карл Лагерфельд

привез в Москву «русскую» коллекцию Chanel — впечатляющую и страшноватую. Показ открывала русская модель Саша Пивоварова в огромном кокошнике из золота, жемчуга и искусственных волос. Сочетания ушанок и имперских звезд, черных мужских пальто с газырями и кожаных штанов, псевдосолдатских сапог, расшитых золотом женских пальто николаевского кроя, золотых ботфортов, меховых муфт с лубочными изображениями Кремля, вееров с матрешками и лыжных костюмов со стразами сделали лагерфельдовскую коллекцию идеальным воплощением того, что сегодня понимается большинством дизайнеров как «русский стиль» в costume. Демонстративная роскошь, архаика и псевдонародный колорит за эти сто лет никуда не делись; только прибавилась еще одна тема — тема угрозы.
Тонкий вкус и боярский воротник: стилевые мифологемы «русского» и их становление в costume XX–XXI веков
 «Русский бум» в европейском costume конца 10-х — начала 20-х годов прошлого века был в большой мере обусловлен печальным парадоксом: европеизированные аристократы из России, оказавшись в тяжелых условиях, зачастую были вынуждены предлагать рынку не свое европейство, а свою экзотическую «русскость» — ту самую лубочную, стереотипическую, псевдонародную русскость, которая могла быть стилистически чужда им самим. Именно персональный вкус, образованность, эстетическая рафинированность многих из них зачастую служили легитимацией, гарантией «приемлемости» для расшитых кре-